

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ И КЛАССИКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Александр ГЛОТОВ

доктор філологічних наук, професор кафедри індоєвропейських мов, Національний університет «Острозька академія» (УКРАЇНА),
35800, м. Острог, вул. Семінарська, 2, e-mail: aleksandr_glotov@ukr.net
UDC: 82 – 991.1

ABSTRACT

The function of literature as a social phenomenon diverse and traditionally mixed. The trend towards reality, which at the same time would be absolutely plausible and at the same time extremely biased and author, individual, leads to the fact that the reader expects the works of art some absolute ethical and aesthetic values that would be for him and the goal and the means to achieve it .

Social psychology has developed a theory of a certain system of human values sought by the human species being and as an individual. Everyone chooses some of his values, but the list of them turned out to be finite. Full, comprehensive catalog for each culture may be his own, from the Ten Commandments of Christianity to six hundred thirteen - Judaism, but most of them are abstracted to categories, it is amenable to formulation. According to the theory of Milton Rokeach values exist "terminal", of course, that is the belief that the achievement of certain specific purposes is the meaning of human life.

These include: a comfortable life; equality and fraternity; interesting and active life; taking care of loved ones; freedom and independence; health; inner world; mature love; security; fun; salvation; self-esteem; sense of achievement; the respect of society; friendship; wisdom; world peace; understanding of beauty.

There is also the value of "tools" - that is, associated with the methods of achieving the objectives of: ambition; open-minded; competence; neatness; hardness; forgiveness; assistance; sincerity; creativity; self-sufficiency; intelligence; sequence; love; loyalty; obedience; politeness; responsibility; restraint.

Fiction since its inception claimed to be to be "lifelike" and "didactic." That is, the literature should reflect real life and demonstrate what is worth to human life, significant values. A perfect masterpieces of literature supposedly embody both communicative and compensatory and educational function of art. There is a tradition to determine the best in the literary process: from ancient playwrights competition to the Nobel Prize. At the beginning of the third millennium was written several "final" list. The most popular list of the hundred best writers, compiled by the Norwegian Book Club in conjunction with the Norwegian Institute named Nobel 2002, the formation of which was attended by a hundred writers from fifty-four countries, as well as list of 100 best books of all time by the magazine «Newsweek». It was found that twenty authors coincide in both lists.

Trying to put together a system of aesthetic and ethical values, traditionally considered in the science of literature, with a set of social values, which are the object of study of psychology and sociology, can be quite productive if it is to exercise with the potential compatibility of these basic postulates of Sciences.

А.Глотов. Классика мировой литературы как отражение системы ценностей

В статье осуществлена попытка сравнить ценности, считающиеся традиционными, с эстетическими и этическими категориями, содержащимися в лучших произведениях литературы.

Ключевые слова: мировая литература, система ценностей, этические и эстетические идеалы.

У статті зроблено спробу порівняти цінності, що вважаються традиційними, з естетичними та етичними вимірами, які містяться у кращих творах літератури.

Ключові слова: світова література, система цінностей, етичні та естетичні ідеали.

Література завжди знаходилась в зоні не тільки етики і естетики, але і соціальної життя. Тому письменники і їх твори, як тільки письменство стало професійною діяльністю, увійшли в сферу, де перемагає сильніший.

Фольклор не знає такої біди, там панує банальність, повторюваність, звичність, звичність. Письменнику ж не вижити без оригінальності і непохожості.

Двадцятий століття легалізував суперництво в літературі, ввів ідею міжнародної премії за найкраще літературне творіння року. І з тих пор весь світ з замиренням чекає, хто ж на цей раз стане Нобелівським лауреатом.

І ось уже друге століття поспіль кожен рік найкраще здавалося б з найкращих отримують свій приз, але – чи всі вони автоматично входять в золотий фонд літератури? Насправді чи вони найкращі?

І тут обов'язково виникає питання: а як визначити якість літературного твору? По кількості проданих екземплярів книг? Тоді вигривають ті, хто раніше почав – умовно кажучи, Гомер і Шекспір, а у сучасників шансів не буде ніколи. Тут потрібно застосовувати спортивний принцип гандикапа: відстаючий за часом отримує право на фору.

Тим більше, що функції художньої літератури як соціального феномена багатобачні і традиційно неоднозначні. Тенденція до створення реальності, яка одночасно була б абсолютно правдоподібною і в той же час виключительно і тенденційно авторської, індивідуальної, призводить до того, що читач очікує від твору мистецтва певну абсолютну етичну і естетичну цінність, яка стане для нього і метою і засобом її досягнення.

Соціальна психологія розробила теорію про наявність певної системи людських цінностей, до якої прагне людина як вид істоти і як індивід. Кожен вибирає певні свої цінності, однак перелік їх, як виявилось, скінченний. Повний, виснажливий каталог для кожної культури може бути своїм, від **Десяти заповідей** християнства до Шестисот тринадцяти – іудаїзму, але більшість з них абстрагується до категорій, повністю піддаючись формулюванню. Згідно теорії Мілтона Рокича, американського соціального психолога польського, а можливо навіть – і українського походження (оскільки родом він з прикордонного Хрубешова), описаної в монографії «Природа людських цінностей», існують цінності «термінальні», скінченні, тобто переконання в тому, що досягнення певних конкретних цілей є сенсом людського життя. Їх повністю обмежене, експериментальним шляхом визначене кількість – 18. До них належать:

1. безбедне життя;
2. рівність і братство;
3. цікава і активна життя;
4. турбота про близьких;
5. вільність і незалежність;
6. здоров'я;
7. внутрішній світ;
8. зріла любов;
9. безпека;
10. радість;
11. порятунок;
12. повага;
13. почуття досягнення;
14. повага суспільства;
15. дружба;

16. мудрость;
17. мир во всём мире;
18. понимание красоты.

Есть также ценности «инструментальные», то есть – связанные с методами достижения целей. Их тоже восемнадцать:

1. амбициозность;
2. непредубеждённость;
3. компетентность;
4. аккуратность;
5. твёрдость;
6. прощение;
7. помощь;
8. искренность;
9. творчество;
10. самодостаточность;
11. интеллигентность;
12. последовательность;
13. любовь;
14. верность;
15. послушность;
16. вежливость;
17. ответственность;
18. сдержанность [1]

Художественная литература с момента ее зарождения претендовала на то, чтобы быть «жизнеподобной» и «дидактичной». То есть, литература должна отражать реальную жизнь и демонстрировать то, ради чего стоит человеку жить, существенные ценности. А шедевры литературы предположительно идеально воплощают как коммуникативно-компенсаторную, так и воспитательную функцию искусства. Существует традиция определения лучших в литературном процессе: от античных состязаний драматургов до Нобелевских премий. В начале третьего тысячелетия было составлено несколько «итоговых» списков. Наиболее популярны список ста лучших авторов, составленный Норвежским Книжным Клубом совместно с Норвежским институтом имени Нобеля [2]. 2002 года, в формировании которого приняли участие сто писателей из пятидесяти четырех стран мира, а также рейтинг 100 лучших книг всех времен по версии журнала «Newsweek» [3]. Оказалось, что двадцать авторов совпадают в обоих списках:

1. Гомер «Илиада», «Одиссея»;
2. Данте Алигьери «Божественная комедия»;
3. Джеффри Чосер «Кентерберийские рассказы»;
4. Уильям Шекспир «Гамлет», «Король Лир», «Отелло»;
5. Джонатан Свифт «Путешествия Гулливера»;
6. Джейн Остин «Гордость и предубеждение»;
7. Марк Твен «Приключения Гекльберри Финна»;
8. Уолт Уитмен «Листья травы»;
9. Гюстав Флобер «Госпожа Бовари»;
10. Лев Толстой «Война и мир», «Анна Каренина»;
11. Дэвид Герберт Лоуренс «Сыновья и любовники»;
12. Джеймс Джойс «Улисс»;
13. Вирджиния Вулф «Миссис Дэллоуэй»;
14. Уильям Фолкнер «Шум и ярость»;
15. Джордж Оруэлл «1984»;
16. Владимир Набоков «Лолита»;
17. Дорис Лессинг «Золотая тетрадь»;
18. Габриэль Гарсиа Маркес «Сто лет одиночества»;
19. Салман Рушди «Дети полуночи»;

20. Тони Моррисон «Возлюбленная».

Пятнадцать из двадцати – англоязычные авторы, что, с одной стороны, не свидетельствует о непредвзятости составителей рейтингов, а с другой – отражает некие культурные приоритеты, существующие в современной цивилизации.

Насколько реальна задача приведения в полное соответствие содержания из перечня лучших книг всех времен и народов с выявленными ценностями, к которым стремится среднестатистический человек?

Теоретически допуская возможность сведения всего многообразия текста художественного произведения к одной формуле, как это сделал, в частности, Лев Толстой, обозначив основную идею романа «Анна Каренина» как «мысль семейная», а романа «Война и мир» как «мысль народная», вряд ли можно, оставаясь в рамках объективного научного анализа, утверждать, что цель написания той же «Анны Карениной» ограничивалась пропагандой **терминальной** ценности идеи, например, *равенства* (мужчин и женщин в частности), или идеи *свободы и независимости*, или даже некоего скоординированного комплекса терминальных и инструментальных ценностей. Или считать, что **инструментальные** ценности романа «Война и мир» распределены по отдельным его персонажам: Наташа – «искренность», князь Андрей – «прощение» и т.д., и тем самым дают возможность выявить конечную ценность – «мир во всём мире».

И тем не менее невозможно отрицать, что «Гамлет» и «Отелло» Вильяма Шекспира, «Госпожа Бовари» Гюстава Флобера, «Улисс» Джеймса Джойса, «Полита» Владимира Набокова, не говоря уже о сотнях других произведений писателей всех времен и народов, культивируют ценность *внутреннего мира* каждого отдельного человека.

В равной степени нельзя отмахнуться от безусловного факта, что, разворачивая любой, самый невероятный сюжет, автор ведет речь в абсолютном большинстве случаев о героях, стремящихся к достижению естественных, присущих всем людям на Земле, целей и лелеющих при этом не менее натуральных ценности. Эти ценности могут даже не лежать на поверхности фабулы или характера героя, но в том или ином виде они присутствуют всегда.

Роман английской писательницы Джейн Остин «Гордость и предубеждение» поразил меня в свое время тем, что, будучи опубликованным всего лишь в 1813 году, был уже целиком полноценным социально-психологическим романом с напряженным сюжетом, четко выписанными характерами, выразительной стилистикой и не менее выразительным чисто английским юмором, в то время как в русской, например, литературе этого времени о романах такого класса, тем более – написанных женщиной, даже и не мечтали. И это при том, что фабула романа – банальна и для современного читателя даже несколько пошла: девицы из дворянской семьи ищут женихов. Выражая при этом чисто дворянскую гордость и не менее дворянское предубеждение. И терминальная ценность здесь отнюдь не скрывается, а всячески афишируется: безбедная жизнь. Всего-навсего.

В число избранных книг от Марка Твена попали вовсе не «Приключения Тома Сойера», как ожидалось бы, а именно – «Приключения Гекльберри Финна». Том тут появляется в самом конце как «Deus ex machina», чтобы развеять печаль друга Гека. А Гек на протяжении всего повествования мучается тем, что он, белый мальчик, не выдает властям беглого негра Джима, хотя как честный человек должен был бы это сделать. То обстоятельство, что Джим заботится о нем, спасает его, любит его – ничего не меняет. Джим – собственность белого человека, а потому должна быть возвращена хозяину. На дворе 1884 год, Гражданская война, завершившаяся подписанием «Прокламации об освобождении рабов», двадцать лет как закончилась, а в головах белых мальчиков Америки ничего не изменилось. Терминальная ценность книги несомненна – «равенство и братство», но в 1957 году книгу изымали из школьных программ некоторых штатов США, а в 2011 – отредактировали в сторону так называемой «политкорректности».

Роман Джорджа Оруэлла «1984», также входящий в «великолепную двадчатку», претерпел немало мытарств на пути к широкому читателю и до сих пор является объектом ожесточенных дискуссий, хотя терминальная человеческая ценность его более чем очевидна – «свобода и независимость». Неприкрытая публицистичность текста продол-

жает тревожить социальное сознание читательской рецепции: роман провокационно похож то на одно, то на другое сообщество. В нем содержится такое количество потенциальных опасностей цивилизационного развития человечества, что перспектива именно такого хода событий, рано или поздно, начинает казаться просто неизбежным. И это при том, что позиция английского автора, в 1948 году, спустя всего лишь 3 года после окончания катастрофы Второй мировой и 2 года после Фултонской речи англичанина Черчилля, ознаменовавшей начало войны «холодной», пишущего откровенную, по тому времени, пародию на Советский Союз, лежащий в руинах – с точки зрения морали не выглядит безупречной.

Чего ищет Гулливер из знаменитой книги Джонатана Свифта, которую мало кто прочёл до конца? Или, поставив вопрос так, как это делают школьные учителя литературы: А что хотел сказать своей книгой автор? Ведь это только на первый взгляд, когда книга читается в адаптированно детском варианте, просто серия занимательных и поучительных фантастических приключений. И только на второй взгляд, из учебника литературоведения, – сатира на современное Свифту английское общество. По большому счету главная часть книги – последняя: «Путешествие в страну гуингмов». Это там, где человекообразные предстают в своём первичном виде, без фраков и макияжа. И оказывается, что быть человеком – довольно сложно. Им надо не просто родиться, свифтовские «йеху» ими хоть и родились, но так и не стали. Гулливер прошел через лилипутов и великанов, через мудрецов и тупиц, чтобы обрести человеческое достоинство. Именно в этом – в «самоуважении» – видится мне конечная цель постижения сущности сатиры Свифта, ее сокровенная терминальная ценность.

Могу только предположить, какие именно из ценностей человека античного мира вкладывал в свои творения легендарный Гомер. Скорее всего, учитывая состязательность, «олимпизм» античного мироощущения, целью «Илиады» и «Одиссеи», условно и обобщённо, разумеется, можно считать такую ценность как «чувство достижения». Ибо свершение, восхождение на вершину, исполнение клятвы – именно это является основным в мирозерцании героев эпоса Древнего мира.

«Божественная комедия» Данте по праву считается энциклопедией представлений о мире своего времени, она настолько в хорошем смысле безличностна, что зачин поэмы, связанный с Беатриче и Вергилием в общем выглядит довольно искусственным на фоне глобальных катастрофических картин потустороннего мира, отражающего изнанку мира реального. Поэтому вряд ли можно говорить о какой-либо одной ценностной установке, заложенной в рецепцию произведения. Здесь и «понимание красоты» как в эстетическом, так и в этическом аспектах, и достижение мудрости не как личной заслуги, а как обязательного условия итога жизненного пути.

Сложно сопоставлять художественные произведения, разделенные столетиями. Правила игры настолько различны, что по одним и тем же законам оценивать Данте, предположим, и Гарсиа Маркеса, несмотря на отчетливую философскую близость авторского построения художественного мира, означает подвергнуть профанации самое мысль об анализе.

Попытка свести воедино систему эстетических и этических ценностей, традиционно рассматриваемых в науке о литературе, с комплексом жизненных ценностей, являющихся объектом исследования психологии и социологии, может оказаться достаточно продуктивной, если осуществлять это с учетом потенциальной совместимости исходных постулатов этих наук.

Вполне возможно, что те естественные, обыденные ценности, о которых мечтает человечество вне зависимости от эпохи, местности и климата, не в полном объеме стали объектом заинтересованности мастеров слова. Например, не могу вспомнить ни одного значительного литературного текста, в основе которого была бы, предположим, такая ценность как «здоровье», стремление сохранить его. Хотя трудно допустить, что существует здравомыслящая личность, не считающаяся с этим именно как с ценностью. Пьем мы прежде всего за здоровье, как известно.

Впрочем, обратного несоответствия по идее быть не должно. То есть, все те ценности, которые сознательно или неосознанно вкладывают художники слова в свои творения, в той или иной мере обязательно происходят от жизненных потребностей человека.

В конечном счете, почему-то ведь продолжают интересоваться читателями книги, написанные годы, а то и столетия тому назад. Значит, есть в них то, что продолжает быть интересным и ценным до сих пор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Braithwaite V. A., Scott W. A.. Values. // J. P. Robinson, P. R. Shaver, L. S. Wrightsman, Measures of Personality and Social Psychological Attitudes. – New York: Academic Press, 1991; Rokeach Milton. The nature of human values. – New York: The Free Press, 1973. – 438 p.
2. <http://www.theguardian.com/world/2002/may/08/books.booksnews>
3. <http://www.librarything.com/bookaward/Newsweek's+Top+100+Books%3A+The+Meta-List>